

Тяжелые дни Мукденских боевъ ¹⁾.

(Воспоминанія запаснаго).

Матурань—это большая деревня, гдѣ были сосредоточены огромные интендантскіе склады и разныя тыловыя учрежденія арміи.

Теперь недалеко отъ Матурани шелъ ожесточенный бой отряда генерала Голембатовскаго и какъ говорили потомъ: храбрые полки, входящіе въ составъ этого отряда, молодецки дрались, переходя нѣсколько разъ въ стремительныя атаки, которыя увѣнчивались замѣтнымъ успѣхомъ, такъ какъ было взято въ этотъ день много японцевъ въ плѣнъ, а равно удалось захватить и нѣсколько ихнихъ пулеметовъ. Словомъ, какъ говорили, успѣхъ былъ на нашей сторонѣ, но тѣмъ не менѣе въ Матурани было очень неспокойно. Когда еще мы подходили къ Матурани, то помню, встрѣтили полкъ, идущій впередъ на поддержку войскъ Голембатовскаго. Солдаты шли бодро и весело. Видимо, движеніе впередъ ихъ воодушевляло. „Идемъ японца изъ деревни вышибать“, отвѣчали они на предлагаемые имъ вопросы; и по лицамъ этихъ людей было видно, что они справятся съ честью съ той задачей, которая на нихъ была возложена. А въ той сторонѣ, куда они шли съ такимъ порывомъ и отвагой, слышался несмолкаемый грохотъ боя. Въ близъ лежащей деревнѣ упавшимъ непріятельскимъ снарядомъ что-то такое взорвало: послышался страшный оглушительный трескъ, и къ небу поднялся огромный клубъ темнаго дыма, въ которомъ видны были

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1910 г.

разлетающіеся въ разныя стороны какіе-то деревянные обломки. Что это взорвало,—такъ для насъ и осталось неизвѣстнымъ.

— Ишь, грохнула, проклятая,—говорили солдаты, глядя на расплывающійся по небу огромный мрачный дымный клубокъ.

— А и сила же, братцы,—говорили другіе.

Интенданты въ Матурани, не получая никакихъ инструкцій отъ своего начальства, положительно не знали—что имъ дѣлать съ тѣми огромными складами продовольствія и фуража, которые здѣсь были заготовлены. Увезти ихъ не было никакой возможности, а на счетъ сжиганія они не получали никакихъ указаній.

И дѣйствительно, положеніе этихъ бѣдныхъ людей было очень затруднительное, тѣмъ болѣе, что въ Матурань начали уже временами падать непріятельскія шимозы. Бросить склады—скажутъ зачѣмъ не сожгли, а начать сжигать безъ разрѣшенія было рисковано, потому что этого не допускала всѣмъ извѣстная канцелярская формальность. Вотъ поэтому-то они и метались теперь, совершенно растерянные, ища всюду свое начальство, но онаго почему-то нигдѣ не находили.

По всему было видно, что мы не намѣрены долго задерживаться въ Матурани. Всюду здѣсь было какое-то спѣшное движеніе: укладывались и запрягались повозки и двуколки; денщики бѣгали съ озабоченными и потными лицами, вынося вещи штабныхъ офицеровъ на повозки; сами эти офицеры, чистенькіе и щеголевато одѣтые, стояли на глиняныхъ заборахъ фанзъ и съ биноклями въ рукахъ наблюдали за картиной жестокаго боя. Эскадронъ полевыхъ жандармовъ, подъ командою браваго ротмистра, строился на дворѣ одной изъ фанзъ, готовый тронуться въ путь по первому приказанію.

Мимо нашего полка, который сталъ за деревней совмѣстно съ другими полками дивизіи, проскакалъ какой-то генераль изъ штабныхъ, съ одутловатымъ скопческимъ лицомъ—и на вопросъ командира полка о томъ, какія послѣдуютъ дальнѣйшія приказанія, грубо отвѣтилъ: „вы ихъ своевременно получите“ и, хлопнувъ нагайкой своего коня, поскакалъ дальше—конечно не впередъ.

— Знаемъ мы это „своевременно“, пробурчалъ себѣ подъ носъ командиръ. Онъ былъ золъ, потому что раненая рука давала о себѣ знать.

Такъ до солнечнаго заката мы простояли за Матуранью, не получая никакихъ „своевременныхъ“ приказаній, а потомъ кажется уже безъ всякихъ приказаній потянулись на Даваньганьпу, которая отстояла отъ Матурани въ верстахъ трехъ по направленію на Мукденъ.

У Даваньганьпу остановились, не зная что дѣлать дальше. Такъ

какъ оставалось только одно: во что бы то ни стало дожидаться какихъ-нибудь приказаній, то начальникъ дивизіи остановилъ насъ, выславъ одинъ полкъ въ прикрытіе къ сторонѣ Матурани. И мы начали ждать, стоя на открытомъ полѣ.

Мимо насъ непрерывно тянулись какія-то повозки, потомъ ящики, потомъ опять повозки, орудія, ящики, повозки, потомъ опять орудія. Все это тянулось медленно, идя въ нѣсколько рядовъ и очень часто останавливаясь, и исчезало гдѣ-то во тьмѣ, которая окутала уже землю чернымъ холоднымъ саваномъ.

Матурань горѣла. Вѣроятно интенданты, не получивъ своевременныхъ указаній, сами облили свое добро керосиномъ и устроили великолѣпную иллюминацію.

Въ темнотѣ послышался рѣзкій и крикливый голосъ, принадлежащій какому-то очевидно артиллерійскому начальнику, который сбѣпился съ какимъ-то генераломъ изъ штабныхъ: „я вамъ говорю, ваше превосходительство, кричалъ чуть-ли не съ пѣной у рта артиллеристъ: извольте дать мнѣ диспозицію, я не знаю до сихъ поръ—куда мнѣ идти со своей артиллеріей“.

Штабный генераль отвѣчалъ тихо и, конечно, не имѣя при себѣ никакой диспозиціи, старался оправдаться, но артиллеристъ не уступалъ.

„Нѣтъ-съ ужъ вы не увиливайте, ваше превосходительство, а потрудитесь вручить мнѣ диспозицію; довольно уже намъ въ потемкахъ ходить“.

И такъ долго раздавался раздраженный рѣзкій голосъ артиллериста, но все же, надо полагать, ему и на сей разъ не удалось получить отъ штабного генерала не только диспозиціи, но даже и указаній относительно того—куда слѣдовать и что дѣлать.

— Однако онъ его ловко отбрилъ, говорили офицеры; давно бы пора за этихъ штабныхъ господъ приняться.

Пошелъ снѣгъ, а мы стояли въ полянѣшемъ невѣдѣніи—что намъ дѣлать и куда слѣдовать. Въ Даваньганьпу также были огромные склады, и они теперь пылали такъ же ярко и сильно, какъ и въ Матурани. Между этой послѣдней и Даваньганьпу были сложены громадныя скирды гаоляна, и теперь эти скирды вдругъ запылали, и пламя начало освѣщать мѣстность по крайней мѣрѣ на версту во всѣ стороны. Картина полного разрушенія была ужасна и неопишуема. Кругомъ пылали огромныя пожарища; пламя горячими языками поднималось почти къ самымъ низко ползущимъ надъ землею тучамъ, изъ которыхъ на землю медленно падали снѣговые хлопья. И при свѣтѣ пожарищъ эти медленно падающіе хлопья и тучи и земля были красны и казалось, что падающій на землю

свѣтъ покрываетъ ее краснымъ покровомъ; какъ будто кровью поливались теперь эти ужасныя поля, на которыхъ въ безпорядочномъ хаосѣ перемѣшались повозки и орудія, голодныя и усталыя лошади и не менѣе голодныя и утомленные люди, которые не спали уже третью ночь.

Среди пламени и пожаращъ слышался несмолкаемый грохотъ ружейной перестрѣлки; это брошенные патроны сгорали въ морѣ огня, дополняя своимъ несмолкаемымъ трескомъ всю эту ужасную картину, на фонѣ которой главную роль играли безчисленныя фигуры валявшихся на землѣ въ полномъ изнеможеніи грязныхъ, озябшихъ и полубезумныхъ людей.

Такъ простояли мы часовъ до двухъ ночи; наконецъ дошло и до насъ приказаніе, въ которомъ главную роль играло слово „немедленно“.

Немедленно нашему начальнику дивизіи было приказано собрать такіе-то полки (нѣкоторые изъ нихъ были не изъ нашей дивизіи и начальнику дивизіи было совершенно неизвѣстно—гдѣ они находятся); немедленно взять такіа-то батареи (мѣсто нахождения ихъ было тоже неизвѣстно) и немедленно же слѣдовать съ этимъ отрядомъ черезъ такіа-то и такіа-то деревни—туда-то (по картѣ выходило верстъ 25) и тамъ поддержать такого-то генераль-лейтенанта, который уже дерется съ непріателемъ.

Конечно, самъ упоминаемый генераль-лейтенантъ и не думалъ даже драться, какъ объ этомъ старались насъ увѣрить въ отданномъ приказаніи. Въ всякаго сомнѣнія, онъ только отдавалъ соотвѣтствующія приказанія и потомъ, судя по ходу боя, доносилъ своему начальству о томъ, что онъ или „потѣснилъ“ или „атаковалъ“ или обошелъ, или наконецъ самъ обойденъ. Но такъ уже принято.

Было приказано прибыть и оказать поддержку дерущимся войскамъ обязательно къ разсвѣту наступающаго дня, то есть 18 февраля. Другими словами: на сборъ отряда и на прохожденіе 25 верстъ давалось около 4-хъ часовъ времени.

Собрать отрядъ, но вѣдь это легко сдѣлать, когда всѣ части его находятся въ одномъ мѣстѣ, но извольте-ка вы ночью собрать разрозненные и неизвѣстно гдѣ находящіеся полки и батареи; но самымъ умилительнымъ „перломъ“ въ этомъ достопримѣчательномъ стратегическомъ измышленіи было то, что намъ необходимо было во что бы то ни стало въ теченіе 4—5 часовъ отмахать 25 верстъ; и это должны были исполнить люди, которые вотъ уже два дня только то и дѣлали, что дрались съ непріателемъ, когда было свѣтло, а когда начинало темнѣть и наступала ночь, то ихъ, какъ барановъ, голодныхъ и усталыхъ, съ помутившимися мозгами, гнали куда-то

въ невѣдомую даль, и люди эти шли, какъ пьяные, спотыкаясь и падая и не зная, куда и зачѣмъ они идутъ и уже третью ночь не имѣютъ отдыха и не могутъ обогрѣться.

Непосильно было выполнить то, о чемъ приказывалось, но все же нужно было исполнить приказаніе. Невольно закрадывается мысль о томъ, что и самое-то приказаніе было отдано только для того, чтобы успокоить свою совѣсть и, въ случаѣ чего, чтобы можно было сказать высшему начальству, что приказаніе было отдано такъ-то и такъ-то, но почему тотъ, кому это было приказано, не сдѣлалъ такъ—въ этомъ уже его вина.

Поскакали адъютанты и ординарцы розыскивать назначенные въ отрядъ полки и батареи, но добрыхъ два часа прошло, прежде чѣмъ отрядъ наконецъ былъ сформированъ и могъ двинуться по назначенію.

Среди глубокой ночи, подъ падающими съ неба кровавыми хлопьями, среди этого моря пожарищъ, протискиваясь между запрудившими всю мѣстность орудіями, ящиками и повозками и толча по ногамъ валявшихся на землѣ полумертвыхъ отъ усталости людей, мы шли по указанному въ приказаніи направленію; шли очень медленно и неувѣренно, потому что была ночь, и мѣстность для насъ была совершенно незнакома.

Люди едва волочили ноги, качаясь и спотыкаясь на ходу; всѣ угрюмо молчали, и лишь только изрѣдка чей-нибудь тоскливый, страдальческій вздохъ да тихое восклицаніе: „о Господи, Царь небесный, милостивый“, давали понять ту тоску и муку, которую унесли эти люди въ сердцахъ своихъ.

Къ разсвѣту мы пришли въ Суходяпу, не сдѣлавъ и 10 верстъ: оставалось еще верстъ 15, и при данныхъ печальныхъ условіяхъ мы могли дойти до назначеннаго мѣста только къ вечеру.

Влѣво отъ насъ уже слышался грохотъ канонады; это вѣроятно и былъ тотъ бой, въ который мы должны были поспѣть къ разсвѣту—бой русскаго генераль-лейтенанта съ японскимъ генераль-маіоромъ.

Въ Суходяпу былъ полный хаосъ; да теперь мы такъ уже привыкли къ картинамъ беспорядочно-хаотическаго содержанія, что онѣ насъ и не поражали. Въ сердцѣ чувствовалась та преступная на войнѣ апатія ко всему, которая такъ страшна и нежелательна при данныхъ условіяхъ. Мчатся по дорогѣ, обгоняя одна другую, какія-то перегруженные повозки и двуколки, — ну, чтожъ, пусть ихъ мчатся. Какіе-то солдаты во дворѣ одной изъ фанзъ галдятъ и ругаются, растаскивая сложенные здѣсь запасы, ну, чтожъ — пусть ругаются, пусть даже передерутся между собою, если это

имъ такъ нравится. Зарядный ящикъ свалился въ канаву, — ну, чтожъ, пусть себѣ валится, пусть пропадаютъ разсыпавшіеся по землѣ снаряды. Полная апатія, полное изнеможеніе и полный сумбуръ въ больныхъ мозгахъ.

Слава Богу, насъ, кажется, хотять остановить на привалѣ: вотъ передній полкъ свернулъ съ дороги и строится въ колонну, за ними слѣдующій и слѣдующій, и мы становимся на высокомъ, обрывистомъ берегу рѣки, при чемъ съ равнины, распростершейся на той сторонѣ, до насъ доносится несмолкаемый гулъ жестокой канонады, да тянетъ холодный и рѣзкій вѣтеръ, осыпающій насъ густыми облаками пыли, перемѣшанной со снѣгомъ. Холодно и непривѣтливо. Замерзшая рѣка покрылась какимъ-то буроватымъ пыльнымъ налетомъ; растущій по берегу чахлый тальникъ, колеблемый вѣтромъ, совершенно окоченѣлъ отъ стужи; онъ, порывисто и какъ бы нервно содрогаясь, гнется къ землѣ и, кажется, молить кого-то объ избавленіи отъ страданій. А въ дали все бухаютъ и грохочутъ пушки, вырывая въ каждую данную минуту человѣческія жизни, и люди тамъ умираютъ, покорные неумолимой судьбѣ, и быть можетъ безъ особаго сожалѣнія разставаясь съ этимъ грустнымъ міромъ.

На наше счастье кашевары въ теченіе ночи успѣли сварить намъ горячую похлебку, которую мы наскоро и поѣли, согрѣвъ и насытивъ наши голодные желудки.

Простоявъ съ полчаса на этомъ мѣстѣ, мы пошли дальше. черезъ какую-то большую деревню, въ которой находился одинъ изъ госпиталей. Здѣсь у воротъ фанзы стояли, помню, двѣ молодыя и смазливыйя сестры, которыя о чемъ-то весело щебетали съ нѣсколькими окружавшими ихъ врачами, пропуская мимо себя утомленные полки и какъ бы любуясь запыленными, грязными солдатами. Не могу понять, почему эта молодая компанія была такъ весела въ это далеко не веселое время.

Къ полдню мы пришли въ Мадяпу и стали на большой привалѣ. Картина хаоса и здѣсь была полная, и здѣсь все время мимо насъ дефилировали безчисленные повозки, тѣсняясь около единственнаго моста и торопясь скорѣе переѣхать на другую сторону рѣки. Временами повозокъ этихъ скапливалось такъ много, что онѣ запружали собою всю дорогу, сцѣпляваясь другъ съ другомъ колесами, и тогда конюха поднимали ужасный крикъ и пускали въ оборотъ самыя отборныя ругательства. Грохотъ канонады не прекращался, и теперь мы все приближались къ ней. Близъ самаго Мадяпу раздался вдругъ оглушительный взрывъ, который произвелъ нѣкоторый переполохъ среди людей. Сначала думали, что это какой-нибудь тяжелый непріятельскій снарядъ былъ направленъ въ стоя-

щую на бивакѣ колонну нашего отряда и, конечно, если бы японцы въ дѣйствительности были бы въ состояніи обстрѣлять насъ артиллерійскимъ огнемъ, то этимъ, благодаря нашей скученности, они нанесли бы намъ огромный вредъ. Но какъ оказалось, это былъ умышленно произведенный нашими инженерами взрывъ какого-то сооруженія, и опасность сама собою миновала.

Выступивъ изъ Мадяпу, мы пошли вдоль высокой насыпи, которая когда-то была сдѣлана для предполагаемой здѣсь желѣзной дороги, но въ верстахъ двухъ отъ Мадяпу эта насыпь прекращалась, и тутъ открывался огромный кругозоръ на мѣстность, находящуюся по ту сторону насыпи.

Пока мы шли за насыпью, мы были скрыты отъ непріятеля, но едва нашъ авангардъ миновалъ насыпь и вышелъ на совершенно ровное и открытое поле, какъ съ лѣвой стороны посыпались ружейныя пули. Непріятель видимо владѣлъ уже этой мѣстностью и по отношенію нашей колонны занималъ фланговое положеніе.

Авангардъ развернулъ боевой порядокъ, готовый принять на себя ударъ, а колонна главныхъ силъ, во главѣ которыхъ шелъ нашъ полкъ, дойдя до конца насыпи, остановилась, дабы не обнаруживать себя передъ непріятелемъ впредь до выясненія обстановки.

Но какъ выяснитъ эту обстановку. Кавалерія у насъ не было. Завязать перестрѣлку авангардомъ, — но это едва-ли къ чему-нибудь привело бы, такъ какъ японцы, отвѣчая на наши выстрѣлы, конечно постарались бы нарочно умалить свои силы съ тѣмъ, чтобы, выманивъ насъ на поле, обрушиться на насъ всею массою тогда, когда мы, представляя имъ свой флангъ, тянулись бы въ колоннѣ.

Начальникъ дивизіи, видя, что силы его слишкомъ незначительны для такого рискованнаго предпріятія, какъ фланговый маршъ вблизи противника, силы котораго были ему совершенно неизвѣстны, къ тому же сознавая, что части его отряда чрезмѣрно утомлены, созвалъ совѣтъ. Не знаю, что тамъ говорили, но только намъ было приказано повернуть кругомъ и идти обратно въ Мадяпу, съ тѣмъ, чтобы перейти на другую дорогу, которая шла параллельно нашей теперешней, но только версты на три дальше отъ непріятеля.

Повернули и медленно потянулись назадъ.

Артиллерія наша почему-то застряла на заворотѣ, и мы простояли около желѣзно-дорожной насыпи до наступленія полной темноты, дожидаясь, пока артиллерія не двинется съ мѣста, а она все стояла и стояла вѣроятно потому, что ей мѣшали проходящіе черезъ Мадяпу обозы и парки.

Наконецъ, уже когда совсѣмъ стало темно, мы тронулись и,

пройдя Мадяпу, очутились въ какой-то небольшой деревушкѣ—въ верстѣ отъ послѣдней, гдѣ почему-то было приказано остановиться, построиться въ резервный порядокъ и ждать дальнѣйшихъ приказаній, а пока таковыя послѣдуютъ—выслать двѣ роты въ сторожевое охраненіе.

Все это было исполнено, и мы начали ждать.

Въ совершенной темнотѣ и не обращая уже вниманія на холодный вѣтеръ, люди повалились на землю, стараясь хоть немного заснуть, но полагаю, что никто не уснулъ, потому что было очень холодно.

Кругомъ на далекомъ горизонтѣ безпрестанно вспыхивали какіе-то таинственные огоньки; поднимались къ небу какія-то ракетки, которыя и разсыпались снопами красныхъ искръ въ вышинѣ, и все это производилось при полномъ молчаніи, и только холодный вѣтеръ вылъ свою монотонную и заунывную пѣсню.

Очевидно, всѣ эти огоньки-ракетки, которыя вспыхивали и потухали, были не что иное, какъ сигналы, съ помощью которыхъ неприятельскіе военачальники вели между собою переговоры и посылали моментальныя извѣстія за десятки верстъ.

Взлетитъ такая ракетка гдѣ-то далеко-далеко на одномъ краю темнаго небосклона, взлетитъ и таинственно рассыплется на тысячи красныхъ искръ—беззвучно и безшумно и, смотришь, черезъ минуту на противоположномъ краю горизонта взлетаетъ такая же ракетка и также таинственно рассыпаетъ свои красныя искры въ безпредѣльной тьмѣ. Потомъ снова взлетаютъ двѣ ракетки на прежней части горизонта, и имъ вторятъ такія же двѣ противоположной его части.

Дѣло сигнализаціи въ японской арміи очевидно было доведено до совершенства, и вѣроятно эти валетающія ракетки и вспыхивающіе огоньки имѣли свой языкъ, слова котораго только для насъ составляли глубокую тайну, но были такъ ясны и понятны для тѣхъ, кто ими пользовался.

Часовъ въ 12 ночи получило приказаніе слѣдовать въ деревню Янсытунъ, до которой было около 4 верстъ, но мы для того, чтобы пройти это ничтожное разстояніе, употребили цѣлую ночь и только лишь къ разсвѣту 19 февраля прибыли въ Янсытунъ. Причиной этому было то, что весь путь былъ совершенно загроможденъ артиллеріей, парками и обозами, которые въ нѣсколько рядовъ загромоздили дорогу и, казалось—не были въ состояніи двинуться съ мѣста: настолько плотно они сѣпились между собою и стояли густой беспорядочной массой.

Кое-какъ, лавируя между повозками, проходя подъ мордами

утомленныхъ и апатично стоявшихъ лошадей, обходя, гдѣ было можно, эту беспорядочную толпу стороной, мы шагъ за шагомъ продвигались впередъ и, надо просто удивляться тому—какъ это мы всѣ не разбрелись, не потерялись въ этой темнотѣ и полнѣйшей неурядицѣ.

Но вотъ въ деревнѣ Фоганьтунъ, отстоящей всего только въ одной верстѣ отъ Янсытуня, мы наткнулись на такое столпотвореніе вавилонское, что ужаснѣе этого трудно себѣ что-либо и представить. Въ этой деревнѣ были огромные склады, которые по нашему обыкновению были отданы на расхищеніе проходящимъ войскамъ.

Странное и непонятное обыкновение, которое весьма нерѣдко приходилось наблюдать во время нашихъ злополучныхъ отступленій. Казалось, что тѣ люди, по инициативѣ которыхъ отдавались подобныя странныя распоряженія, какъ бы нарочно дѣлали это для того, чтобы усугубить тотъ беспорядокъ, который и безъ того почти неизбеженъ во время отступательныхъ маршей вообще, а ночныхъ въ особенности.

Боже мой, что здѣсь творилось: невообразимая путаница, шумъ, гвалтъ, споры и ссоры между солдатами, крики офицеровъ; вороха бѣлья, разбросанные всюду; полушубки, папахи, даже помню ящикъ съ конфетами, который схватилъ какой-то солдатъ и, чувствуя, что онъ очень тяжелъ, швырнулъ его объ землю со словами: „тащи, ребята,—сласти принеси“; и огромная толпа солдатъ, толкая и давя другъ друга, набросилась на эти конфеты и почти съ остервенѣніемъ начала набивать ими свои рты и карманы.

Какіе-то глубокія канавы и высокіе валы, черезъ которые пришлось перелазить, подсаживая другъ друга, и толпа, толпа, толпа, бессмысленная и ужасная толпа, которой нѣтъ удержа, съ которой невозможно справиться и которая не только не понимаетъ, но даже и не слушаетъ никакихъ убѣжденій, не признаетъ никакихъ резоновъ, кромѣ развѣ хорошаго тумака. И все это вблизи непріятеля, гдѣ-то притаившагося среди сумрака холодной ночи; того непріятеля, которому и эта ночь не мѣшаетъ осмысленно дѣлать задуманное дѣло,—энергично стремиться къ развѣ намѣченной цѣли и вести переговоры о томъ, какъ окончательно нанести намъ пораженіе.

Тяжело вспоминать о всѣхъ этихъ безобразіяхъ, но еще тяжелѣе переживать ихъ: самое же ужасное—это еознавать свое полнѣйшее безсиліе помочь горю.

Къ чести нашего полка опять-таки скажу, что наши люди не принимали участія во всѣхъ этихъ безобразіяхъ и единственно, чѣмъ попользовались наши солдаты—это консервами и сахаромъ,

недостатокъ чѣго сильно у насъ ощущался, но и это пользованіе, благодаря распорядительности и вниманію офицеровъ, было упорядочено. Людямъ говорили: „берите консервы, берите сахаръ, берите что вамъ нужно, но черезъ десять минутъ будьте всѣ вотъ на этомъ мѣстѣ“, и люди такъ и поступали.

То обстоятельство, что солдаты запаслись консервами и сахаромъ, принесло намъ огромную пользу, такъ какъ во время пятидневнаго боя въ Янсытунѣ наши кухни могли подвозить пищу только по ночамъ, да и то ночью не всегда было спокойно; тутъ же, имѣя при себѣ изобиліе консервовъ, сахару и сухарей, люди этимъ питались и поддерживали свои упавшія силы.

Наконецъ, когда уже начало свѣтать, намъ удалось выбраться изъ этого проклятаго Фоганьтуня, и вскорѣ мы пришли въ Янсытунъ, гдѣ и расположились на какомъ-то дворѣ, обнесенномъ невысокой глинобитной стѣнкой.

Это было 19 февраля утромъ.

Мы узнали, что здѣсь насъ присоединили къ отряду генерала Церпицкаго, и были очень довольны, потому что храбрость этого генерала и его способность и умѣнье дѣйствовать на войска были уже извѣстны въ арміи, и вообще онъ въ глазахъ войскъ считался однимъ изъ лучшихъ и надежныхъ.

Въ деревнѣ мы зашли въ одну изъ фанзъ, которая вся была переполнена китайцами. Они еще спали въ двухъ комнатахъ, расположенныхъ по обѣ стороны передней. Вышелъ какой-то старикъ, съ непривѣтливомъ и озлобленнымъ лицомъ, нервно захлопнувъ за собою дверь, чѣмъ и показалъ намъ, что дальше передней насъ пускать не намѣрены. Мы конечно не стали домогаться пропуска въ обитаемая помѣщенія, а остались тутъ же. Черезъ четверть часа обитатели фанзы начали просыпаться. Въ переднюю одна за другой выползали грязныя и неуклюжія бабы въ синихъ балахонахъ съ огромными трубками въ рукахъ. Тутъ были и старухи и молодыя, и всѣ онѣ были необычайно грязны и безобразны. Изъ полуотворенныхъ дверей въ жилия помѣщенія несся довольно ощутительный „ароматъ“, который конечно нельзя сравнить съ тѣмъ тонкимъ ароматомъ, который насыщаетъ собою воздухъ въ изящномъ будуарѣ красавицы. Но конечно на эти мелочи никто не обращалъ вниманія. Проснувшіеся мужчины не вступали съ нами рѣшительно ни въ какіе разговоры и даже старались дѣлать видъ что какъ будто бы они насъ и совсѣмъ не замѣчаютъ.

Не долго намъ пришлось быть въ бездѣйствіи. Солдаты едва успѣли закусить разогрѣтыми консервами и побаловаться горячень-

кимъ чайкомъ, какъ уже случилось свѣдѣніе о появленіи съ запада со стороны деревни Нингуаньтунъ японцевъ.

Полкъ закопошился. Роты спѣшно начали строиться, и черезъ 10 минутъ мы уже тянулись длинной колонной на ровное и открытое мѣсто между деревнями Янсытунъ и Фогантунъ, которое мы и должны были занять. Когда вышли на открытую площадь, то съ запада до насъ начали долетать уже пули, хотя, правда, и не частыя, но во всякомъ случаѣ показывающія, что непріятель появился.

Редуть, что былъ возведенъ на западной окраинѣ Янсытуня, былъ уже занятъ однимъ изъ полковъ нашего отряда, а намъ было приказано стать во вторую линію и въ случаѣ атаки противника поддержать войска первой линіи.

Конечно, самое удобное было бы для этого расположиться за деревней, но здѣсь мѣсто было уже занято другою частью войскъ, а потому насъ и повели въ промежутокъ между деревнями, рассчитывая развести полкъ по-ротно и укрыть роты за могилками и небольшими рощицами, которыя были разбросаны на этой площади. Такъ оно и было сдѣлано, но оказалось, что только нѣкоторыя роты были въ состояніи укрыться за мѣстными предметами, а остальнымъ пришлось остаться на совершенно открытой мѣстности, и если бы японцы открыли артиллерійскій огонь, то полкъ неминуемо понесъ бы огромныя потери.

Положеніе было непріятное, но къ счастью для насъ непріятель вѣроятно еще не успѣлъ подвезти сюда свою артиллерію и продолжалъ пока только обстрѣливать насъ рѣдкимъ и дальнимъ ружейнымъ огнемъ, который не принесъ намъ, слава Богу, никакихъ потерь.

Съ часъ мы пробыли на этомъ мѣстѣ, и на наше счастье получилось отъ начальника дивизіи приказаніе, указывающее, что задача полка состоитъ въ томъ, чтобы въ случаѣ атаки помочь центру и правому флангу, въ виду чего и приходилось уходить съ этого мѣста.

Рота за ротой осторожно мы перебрались за Янсытунъ и тутъ кое-какъ размѣстились во рвахъ и за стѣнками деревни, и лишь только мы очистили это ровное мѣсто, какъ японцы открыли по намъ жестокой артиллерійскій огонь. Странно, неужели они не замѣтили, какъ отсюда постепенно отходили наши роты. Хороши бы мы были, если бы этотъ огонь засталъ насъ на этой ровной площади, но Богъ помиловалъ, и мы избѣжали излишнихъ и напрасныхъ потерь.

Обстрѣлявъ эту площадь, непріятель перенесъ огонь на самую

деревню и до самаго вечера забрасывалъ насъ снарядами, видимо стараясь во что бы то ни стало найти нашу артиллерию, которая, будучи расположена въ ложбинѣ за деревнею, энергично отвѣчала на огонь непріятеля.

Въ полку за этотъ день было нѣсколько десятковъ раненыхъ, хотя канонада достигала временами до ужасающей силы; шимозы, шрапнели и шестидюймовыя осадныя бомбы оглашали воздухъ потрясающими звуками разрывовъ, свистомъ пуль и осколковъ, а ружейныя пули дополняли этотъ концертъ своимъ довольно непріятнымъ пѣніемъ.

Въ этотъ день японцы насъ не атаковали, и лишь только утромъ изъ деревни Нингуаньтунъ вышла какая-то пѣхотная часть и стремительно повела атаку на редутъ, сооруженный къ западу отъ Янцуня, вѣроятно думая, что быть можетъ онъ еще не занятъ нашими войсками, но энергичный командиръ занимавшаго этотъ редутъ полка—полковникъ Ю. подпустилъ ихъ шаговъ на 800, а потомъ открылъ жестокой огонь, и они, потерявъ много людей убитыми и ранеными и бросивъ ихъ тутъ же на полѣ, повернули назадъ, и надо думать, что это нѣсколько ослабило ихъ пылъ.

Какъ бы въ отместку, они, какъ уже было сказано, держали насъ пѣлый день подъ такимъ сильнымъ огнемъ, что даже дрожала земля, и деревня очень часто исчезала совершенно въ облакахъ буроваго дыма и пыли.

Къ вечеру стрѣльба утихла.

Утро 20 февраля было ясное и тихое. Воробьи такъ громко и мирно чирикали, сидя на оголенныхъ деревьяхъ; они радовались, что вотъ сейчасъ на этомъ ясномъ безоблачномъ небѣ взойдетъ солнце и согрѣетъ и приголубитъ ихъ.

Для нихъ—веселыхъ и довольныхъ, перепархивающихъ съ сучка на сучекъ, это солнце было по истинѣ „солнцемъ правды“, а намъ, людямъ, оно несло со своимъ восходомъ снова непріятные часы и минуты тяжелаго ожиданія.

И дѣйствительно, какъ только первые лучи пронизали холодный неподвижный воздухъ и освѣтили верхушки деревьевъ и фанзъ, такъ сейчасъ же заревѣли пушки, и люди снова начали убивать другъ друга.

А воробьи по-прежнему беззаботно и радостно чирикали, перепархивая стаями съ дерева на дерево.

Вотъ проносится неподалеку отъ такого веселаго общества, размѣстившагося на сучьяхъ огромнаго дерева, непріятельскій снарядъ и грохается со всего размаха объ мерзлую землю. Ву-у-у!—разлетаются съ визгомъ осколки въ разныя стороны. Воробьи на секунду

сразу смолкаютъ, какъ бы удивляясь, „что сей сонъ значитъ“. Потомъ они всё снимаются съ этого дерева и перелетаютъ на другое и тамъ снова начинаютъ весело и беззаботно щебетать, какъ бы дѣлясь своими впечатлѣніями и подсмѣиваясь надъ довольно глупыми съ воробьиной точки зрѣнія шутками, которыми теперь забавляются эти двуногія твари, вездѣ и всюду валяющіяся по землѣ. Прилетаетъ шрапнель и рвется неподалеку отъ дерева: тр-рах-піу-у-у!—раздается въ воздухѣ, и воробьи слетаютъ дружной стаей, какъ бы по командѣ улетаютъ далеко—далеко, вѣроятно сообразивъ, что шутки этихъ двуногихъ тварей и для нихъ—воробьевъ, могутъ окончиться очень плачевно.

Мы наблюдали въ бинокль за тѣмъ, что дѣлается впереди, а тамъ съ самаго утра японцы начали энергично ломить впередъ, напирая повидимому на Фоганьтунъ и забрасывая насъ на Янсытунѣ снарядами, вѣроятно для того, чтобы не дать намъ возможности помочь сосѣдямъ.

Видно было, какъ по ровному полю двигались ряды людей, скакали какія-то лошади, видны были повозки, которыя опроретью носились по полю, вѣроятно или подвозя патроны, или же стараясь укрыться отъ огня. И все это двигалось въ дыму отъ безпрестанно и всюду разрывающихся снарядовъ.

Наша пѣхота положительно „исходила“ свинцомъ. Казалось, что рвали какіе-то огромные куски матеріи и рвали ихъ непрерывно. Съ трескомъ барабана нельзя сравнить бѣглый боевой огонь: это именно такое же впечатлѣніе, какое получилось бы, если бы заставить тысячи людей разрывать на куски какую-нибудь плотную и толстую ткань. Въ бинокль было ясно видно, какъ падали люди, и какъ новые и новые ряды напирали все впередъ и впередъ.

Шла бѣшенная атака.

— Господи, помоги, крестясь, говорили солдаты: поддержи, Господи. Лица у большинства были блѣдныя, и руки нервно сжимали винтовки.

И странно: эти люди, которые сами три дня тому назадъ отбивали въ теченіе цѣлаго дня атаки непріятеля, которые на другой день послѣ этого шли подъ жестокимъ огнемъ впередъ, прикрывая отступление товарищей и которые раньше еще до этого сплошной и могучей лавиной ломили на непріятеля, желая во что бы то ни стало выбить его изъ деревни,—теперь эти же люди были блѣдны. Безсонныя ли ночи, постоянное ли нервное напряженіе повліяло на нихъ, объяснить этого не берусь, но пишу такъ, какъ оно и было на дѣлѣ.

Прискакалъ отъ начальника дивизіи молодой и симпатичный юноша—ординарецъ, бывший прапорщикъ нашего полка и, запыхав-

шись, началъ докладывать командиру: „господинъ полковникъ, японцы атакуютъ; одна рота сосѣдняго съ нами полка уже отступила. Начальникъ дивизіи приказалъ вамъ поддержать боевую линію хотя бы однимъ баталіономъ“.

— „Въ ружье!“ — сейчасъ же раздалась команда. Солдаты, крестясь, начали разбирать ружья и мѣшкотно выстраивались за стѣнками, за которыми они только что сидѣли.

— За мной, шагомъ маршъ! снова раздалась громкая и энергичная команда, и тотъ, кто командовалъ, ставъ во главѣ ротъ, повелъ ихъ на улицу деревни, которая направлялась къ войскамъ передовой линіи.

Вдоль улицы несея намъ навстрѣчу ураганъ свинца; снаряды грохотали во всѣхъ направленіяхъ. Наши роты шли, держась ближе къ продольной стѣнкѣ съ тѣмъ, чтобы хоть немного укрыться отъ огня. Люди сгибались и шли какъ-то вяло—нерѣшительно. Полковникъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что за нимъ идетъ не болѣе 50 человекъ, а остальные люди только по одиночкѣ выбѣгали изъ-за стѣнокъ и, согнувшись, догоняютъ товарищей.

— Стой! закричалъ онъ,..... этакіе. Что, японскихъ штыковъ испугались.—И тутъ послѣдовало крѣпкое слово.

Моментально картина перемѣнилась. Люди выпрямились и стройно стали въ отдѣленіе.—К., обратился полковникъ къ молодцу заурядъ прапорщику: бѣгите какъ можно скорѣе и гоните людей изъ-за стѣнокъ; пока всѣ не придутъ—не поведу впередъ, потому что стыдно вмѣсто баталіона подводить какую-то несчастную горсть.

Не прошло и минуты, какъ весь баталіонъ собрался.

— Шагомъ маршъ!—снова раздалась громкая команда, и теперь уже по улицѣ двигалось не стадо испуганныхъ гусей, а могучая російская пѣхота, которая мѣрно отбивала шагъ по мерзлой землѣ и которую, казалось, нельзя было сокрушить непріятельскимъ штыкомъ.

Вскорѣ мы пришли на назначенное мѣсто. Здѣсь былъ и начальникъ дивизіи.

— Здорово, братцы!—раздался его не громкій, но спокойный голосъ.

— Здравья желаемъ!—отвѣтили на привѣтствіе любимаго начальника сотни бодрыхъ солдатскихъ голосовъ.

Тутъ же я замѣтилъ, какъ нѣсколько солдатъ вели подъ руки раненнаго пулею въ голову начальника дивизіоннаго штаба. Пуля прошла ему на вылетъ въ обѣ щеки, выбила нѣсколько зубовъ и повредила челюсть.

Мы подошли тогда, когда атака была уже отбита, и начальникъ

дивизиіи сказалъ, что вызвалъ насъ только для того, чтобы подбодрить войска, а то вотъ рота одна уже отступила, и можно было опасаться за то, что этотъ примѣръ подѣйствуетъ пагубно и на прочія части; словомъ, необходимо было влить свѣжую часть, такъ какъ это сильно подбодряетъ людей.

Отступившая рота была изъ того полка, который по сосѣдству съ нами занималъ деревню Фогантунь. Часть людей этой роты — человекъ 25 прибыла въ Янцйтунь, и теперь эти люди какъ-то приниженно жались около стѣнокъ, не смѣя отъ стыда смотрѣть прямо передъ собою. Помню, среди нихъ былъ юноша вольноопредѣляющійся; былъ также одинъ солдатъ, — рослый и красивый молодецъ съ крестомъ на груди; было и нѣсколько бородачей запасныхъ, и всѣ они теперь смотрѣли сконфуженно и приниженно. Жаль было этихъ несчастныхъ людей, которые выносили теперь въ своихъ сердцахъ смертельную тоску и муку. Помню, что многіе, очень многіе старались уколоть самолюбіе этихъ несчастныхъ, не стѣсняясь называли ихъ подлыми трусами, и называли даже такіе люди, которые не имѣли нравственнаго права произносить этого слова, а они, оплеванные и униженные, какъ-то съежились и молча стояли, переживая смертельную тоску.

Какъ оказалось это впоследствии, они совсѣмъ и не думали быть трусами, потому что до конца выполнили бы свой долгъ, какъ честные солдаты, но обстоятельства сложились для нихъ такъ невыгодно, что они принуждены были оставить свой постъ.

Ихъ рота занимала совершенно ровный и открытый участокъ, и они не успѣли сдѣлать окоповъ, за неимѣніемъ надлежащаго шанцеваго инструмента; а между тѣмъ началась убійственная канонада и непріятель повелъ атаку. Несмотря на это, они все же такъ не покидали своего поста и, теряя многихъ своихъ товарищей, отстрѣливались, на сколько были въ силахъ. И вдругъ на нихъ съ тыла полетѣли свои же шрапнели и начали вырывать и безъ того сильно порѣдѣвшіе ряды. Вотъ то положеніе, въ которомъ ради ошибки, столь возможной на войнѣ и довольно не рѣдко случавшейся, очутились эти несчастные люди. Есть ли хоть какая-нибудь возможность — быть въ ихъ ужасномъ положеніи и не дрогнуть, и они дѣйствительно дрогнули, — не вынесли этой невозможной пытки, а за это ихъ теперь клеймили позоромъ.

Не знаю, что случилось съ этими несчастными, но вѣрьте, если вы еще живы, что и вы — честные солдаты, и что если васъ тогда оскорбляли, такъ только потому, что всѣ эти ужасы, вся эта кровь, трупы и вопли также сильно дѣйствовали на вашихъ судей, и что эти судьи сами переживали нечеловѣческія нравственныя муки,

которыя и сдѣлали ихъ слишкомъ жестокими и черствыми при произнесеніи надъ нами приговора.

До самаго почти вечера непріятель производилъ атаку за атакой, и перестрѣлка то утихала, то поднимался такой адскій грохотъ, что хоть уши затыкай.

Помню, въ нашъ полкъ безпрестанно приводили подъ стражу какихъ-то китайцевъ, которые были къмъ-то пойманы, какъ шпіоны. Многіе изъ нихъ были ранены и всѣхъ ихъ отсылали въ ровъ, который былъ за деревней; тамъ подъ карауломъ они и содержались до наступленія темноты, послѣ чего ихъ препровождали въ штабъ отряда.

Помню, привели какого-то здоровеннаго солдата Н—скаго полка, который хотѣлъ перебѣжать къ японцамъ, но былъ пойманъ и задержанъ товарищами. Его вели связаннаго; одежда на немъ была порвана; лицо грязное и со слѣдами кровоподтековъ, а глаза свѣтились какой-то особенной грустью. Подвели его къ командиру полка.

—Ваше Высокоблагородіе, заговорилъ этотъ солдатъ тихимъ и сдавленнымъ голосомъ: вѣдь всѣ мы-братья во Христѣ, а Онъ училъ насъ никого не обижать и не убивать....

—Ну-ну-ну, веди его, нечего тутъ растобаривать, сказалъ командиръ съ досадой. И его повели.

Какъ потомъ рассказывали, онъ долго лежалъ молча, связанный, а потомъ не выдержалъ и началъ страшно ругаться; ругалъ онъ всѣхъ самыми отборными словами, даже какъ говорили — и богохульствовалъ; и въ этой ругани было что-то ужасное — что-то не человѣческое—безумное. Рассказывали потомъ, что его разстрѣляли.

Помню, въ этотъ же день произошелъ одинъ трогательный случай, котораго никогда не забуду: во время сильнѣйшей канонады, когда воздухъ трясся отъ безпрестанныхъ оглушительныхъ взрывовъ шести-дюймовыхъ бомбъ, шимозъ и шрапнелей, вдругъ на улицѣ деревни появилась древняя старуха-китаянка. Она шла съ клюкой и нащупывала ею дорогу, изъ чего и можно было заключить, что она слѣпа, а такъ какъ звукъ падающихъ и рвущихся снарядовъ видимо не производилъ на нее никакого впечатлѣнія, то, вѣроятно, и чувство слуха у нея было атрофировано. Она едва передвигала ноги и шла съ такою скоростью, что, вѣроятно, ползущая рядомъ съ нею черепаха давно бы обогнала ее и прибыла бы на мѣсто назначенія значительно раньше.

Солдаты долго и молча смотрѣли на эту передвигающуюся тѣнь,—на это напоминаніе о давно минувшей молодости и быть можетъ и красотѣ.

— Однако, братцы, ушибеть бабушку-то, сказалъ какой-то солдатъ.

— Известно, ушибеть. И зачѣмъ только въ такую непогодь изъ дому вышла.

Послышался сдержанный смѣхъ.

— Надо провестъ бабушку, а то грѣхъ будетъ, сказалъ другой молодой солдатъ, съ лихо заломленной на затылокъ папачой, которая открывала его дышащее здоровьемъ, доброе и симпатичное лицо, на которое положительно можно было любоваться.

Сказавъ это, онъ быстро подбѣжалъ къ старухѣ, схватилъ ее подъ руку и быстро повелъ. Старуха и не упиралась, и вскорѣ они исчезли за поворотомъ улицы.

Минуть черезъ пять солдатъ этотъ вернулся.—И Боже Ты мой, говорилъ онъ: привелъ эту я бабушку въ фанзу, а тамъ биткомъ китаемъ набито; всѣ плачутъ и вопль такой, что я бросилъ тамъ бабушку да и назадъ; мочи нѣтъ смотрѣть-то на нихъ: этта бомба, значитъ, грохнула недалеко отъ фанзы; что народу перекалѣчила,—страсть: и старики и бабы и дѣти,—всѣмъ на орѣхи попало.

— Вотъ, братцы мои, и за что это, къ примѣру, этому бѣдному Китаю влетаетъ; мы, къ примѣру, солдаты, наше дѣло стало быть такое, а онъ—Китай, ничѣмъ, къ примѣру, тутъ не повиненъ.

— Н—да, братъ: это точно что не за что; такъ ужъ ему такая задача въ жисти выпала. И солдаты замолчали, не будучи въ состояніи разрѣшить этихъ вопросовъ, да и едва-ли кто-либо въ состояніи разрѣшить ихъ.

Фанза, въ которую сносили раненыхъ, была тутъ же—въ деревнѣ. На дворѣ были сложены убитые. Они лежали рядышкомъ, кто на спинѣ, кто на боку. У нѣкоторыхъ сжатые въ кулаки руки были подняты къ верху, какъ будто бы они грозили этими кулаками самому небу. Тутъ же валялись убитыя лошади; у одной, помню, была перебита задняя нога, и окровавленная кость торчала наружу. Почему-то эта кость особенно рельефно выдѣлялась на общемъ фонѣ картины.

Въ самой фанзѣ была давка. Три доктора едва успѣвали справляться со своимъ дѣломъ; все подносили и подносили раненыхъ, и не было уже мѣста на канахъ, а потому ихъ и сваливали прямо на полъ. Нѣкоторые хрипѣли въ предсмертной агоніи, нѣкоторые бредили и ругались отборными словами, а нѣкоторые такъ ужасно и протяжно стонали, что не было возможности выносить этихъ звуковъ, выражающихъ нечеловѣческія мученія. Всюду грязь, кровь, куски рваной одежды, запахъ карболки и непріятный запахъ крови. Раненый начальникъ штаба сидѣлъ на канѣ. Онъ не могъ говорить, потому что пуля, пробивъ ему обѣ щеки, выбила зубы и по-

вредила челюсть. Онъ только перекрестилъ нашего командира, который зашелъ сюда перевязаться. У обоихъ на глазахъ были слезы. Доктора положительно сбили съ ногъ, дѣлая перевязки; руки и лица у нихъ были въ крови, а они работали, работали и работали, и казалось, что нервы у нихъ уже окончательно притупились, и они видѣли передъ собою не искалѣченныхъ мучающихся людей, а какихъ-то истукановъ, которые хрипятъ, корчатся, стонуть и мычатъ не потому, что имъ больно, а потому, что въ каждомъ изъ нихъ вставлена машинка, которая и издаетъ все время одинъ и тотъ же звукъ.

Скверно и невыносимо тяжело быть на перевязочномъ пунктѣ.

Подъ вечеръ нашему полку было приказано усилить одной ротой гарнизонъ редута, который былъ при выходѣ изъ деревни, а четырьмя ротами—усилить его фланги. Ожидали ночного штурма, а потому и принимали эти мѣры.

Часа за два до наступленія темноты непріятель открылъ такой убійственный огонь по деревнѣ, какого, кажется, еще не было. Шести-дюймовыя бомбы одна за другой грохались объ землю, и земля буквально вздрагивала отъ ихъ тяжелаго паденія. Пудовые осколки ударялись объ стѣнку, пробивали ихъ, или же отскакивали, дѣлали прыжки и рикошеты по землѣ, страшно и сердито фурча въ воздухъ и убивая на смерть попадавшихъ имъ на дорогѣ людей. Пули отъ этихъ чудовищныхъ снарядовъ наполняли воздухъ адскимъ визгомъ. Пыль поднялась такая, что вмѣстѣ съ дымомъ она закутала все какъ-бы завѣсой и затмила собою склоняющееся къ горизонту солнце.

Непріятель видимо готовился къ штурму и открылъ эту пальбу, съ цѣлью перебить у насъ возможно больше людей и тѣмъ облегчить себѣ выполненіе задачи.

Снаряды летѣли на насъ и съ фронта и слѣва. Помню, одна шести-дюймовая бомба упала какъ разъ около первой роты нашего полка и вырвала сразу семь человѣкъ. Земля задрожала отъ страшнаго взрыва; пули и осколки съ визгомъ разлетѣлись, и въ облакѣ дыма послышались отчаянные вопли.

— Санитары! санитары! вопили растерявшіеся солдаты. Многие крестились, вздыхали и говорили: О Господи, всѣхъ перебьетъ, всѣмъ смерть пришла.

Блѣдные и измученные санитары, которые отъ усталости едва не валились съ ногъ, сгибаясь подъ летящими пулями и снарядами и неся пропитанная кровью носилки, побѣжали къ тому мѣсту, куда ихъ звали, и вскорѣ двое носилокъ несли уже мимо насъ; остальные люди были мертвы, и ихъ нечего было уже выносить.

— Держи налѣво; въ улицу ту держи, кричали солдаты растерявшимся санитарамъ; прямо пойдешь—пришибеть: ишь палить „проклятый“—свѣту не видать.

— Да влѣво, „дьяволы“, держите, влѣво—вонъ улица-то, въ нее и заворачивай, все сильнѣе и сильнѣе орали солдаты, видя, что санитары никакъ не могутъ понять—куда ихъ направляютъ.

И вотъ во время этихъ криковъ падаетъ позади нихъ бомба. Санитары летятъ на землю; раненые валятся съ носилокъ, а санитары, бросивъ ихъ, крестясь, стараются укрыться за стѣнку сосѣдняго двора. Ишь „дьяволы“ струсили, проклятые, обалдѣли и раненыхъ покидали, кричатъ люди.

Безпомощные, окровавленные раненые тихо стонутъ, лежа на землѣ рядомъ съ брошенными носилками.

— Братцы, родненькіе, вынесите, молятъ они тихо; смерть пришла наша; вынесите, братцы.

Нѣсколько солдатъ идутъ и осторожно кладутъ раненыхъ на носилки.

Санитары, снова крестясь и вздыхая, выползаютъ изъ-за стѣнокъ и снова взваливаютъ на плечи свою тяжелую ношу.

— Вы, ребята, вотъ сюды—въ улицу-то, значить, а какъ дошли до конца, такъ стало быть направо вертай, а тутъ ужъ дорога одна; тамъ нашъ и перевязочный. (Перевязочный пунктъ нашего полка былъ въ верстахъ двухъ отъ деревни). „Ладно, ладно, теперь мекаемъ. Ишь бомба-то грохнула,—ровно бы и спужались маленько. А пятерыхъ-то на смерть пришибло“, добавляютъ они и скрываются за поворотомъ въ улицу.

— Свѣтопредставленіе да и только, говорятъ солдаты, возвращаясь на свои мѣста.

Помню, одна изъ бомбъ угодила подъ корень огромнаго столѣтняго дуба. Закачался гигантъ и тяжело съ хрипомъ рухнулъ на землю, чуть не подавивъ собою близъ находящихся людей.

— Во, ребята, силище-то, говорили солдады: гляди, какой дубъ, а какъ соломину срѣзала.

— Она срѣжетъ и не энтакій, чаво ей; ишь проклятушая реветь-то какъ.

— Хорошо, что хрипнулъ-то не въ нашу сторону; сколько бы народу задавилъ.

Распростершійся гигантъ легъ на томъ мѣстѣ, гдѣ быть можетъ онъ болѣе ста лѣтъ стоялъ, давая тѣнь и прохладу подъ своими могучими вѣтвями, а теперь эти вѣтви, со страшнымъ трескомъ, подломились, не выдержавъ давленія его грузнаго, рухнувшего на землю тѣла. А нѣкоторыя изъ нихъ безпомощно торчали къверху,

какъ-бы прощаясь съ тѣмъ небомъ и съ тѣмъ солнцемъ, которыя дали ему и жизнь, и силу, и красоту.

До наступленія темноты продолжалась сильная канонада.

Отъ генерала Церпицкаго нѣсколько разъ пріѣзжали ординарцы—узнать, что у насъ дѣлается. Генераль видѣлъ, что Янсы-нунь весь покрытъ дымомъ, и беспокоился за наши положенія. Да и было дѣйствительно отъ чего беспокоиться, но мы держались прочно и упорно.

Съ наступленіемъ темноты, командиръ повелъ роты на поддержку гарнизона редута.

Рекогносцировка мѣстности была сдѣлана еще засвѣтло—во время самага разгара канонады; ее производили храбрые офицеры: капитанъ Р. и подпоручикъ Я. Они, не обращая вниманія на огонь, пошли на указанные имъ участки и высмотрѣли обстоятельно мѣста, наиболѣе удобныя для расположенія ротъ. Теперь, съ наступленіемъ тьмы, мы шли на эти мѣста,—шли тихо и осторожно, дабы не производить шума и тѣмъ не привлечь на себя вниманія непріятели. Вотъ какой-то большой прудъ, покрытый гладкимъ льдомъ. Солдаты гуськомъ перебираются по льду, стараясь не шумѣть, но никакъ не могутъ этого достигнуть: ноги тяжело шуршатъ по льду, а котелки—эти вѣчно брякающіе котелки, и теперь стучать и брякаютъ въ ночной тишинѣ.—Тише, черти, чего стучите,—слышится временами чей-нибудь сдавленный голосъ, но стукъ отъ этого нисколько не уменьшается, и вереница закутанныхъ въ башлыки людей продолжаетъ неуклюже скользить по гладкой поверхности льда; нѣкоторые падаютъ, грохоча объ ледъ винтовками, и потомъ кряхтя поднимаются и догоняютъ товарищей. А впереди тьма непроглядная и тишина, тишина, тишина; и что-то жуткое шлетъ собою эта тишина; кажется, что тамъ среди этого непрогляднаго мрака что-то такое уже затѣвается; кажется, что вся эта непроглядная тьма уже наполнилась цѣлыми милліонами какихъ-то злыхъ существъ, которыя все ползутъ и ползутъ впередъ—на животахъ ползутъ, съ оскаленными отъ злобы зубами и держа въ рукахъ ружья съ примкнутыми къ нимъ огромными ножами, которыми они собираются пороть животы всѣмъ этимъ неуклюжимъ, закутаннымъ въ башлыки и переутомленнымъ людямъ, повалившимся на берегу пруда и старающимся рассмотреть страшный и таинственный мракъ впереди.

— О Господи, вздыхаютъ эти люди, ночь-то дуже холодна.—Нѣкоторые зѣваютъ, крестятъ рты и приговаривая: „Господи, Царь батюшка милостивый“; нѣкоторые, болѣе спокойные, уже свернулись калачиками и храпятъ подъ ватными китайскими одѣялами. Такихъ сѣба-

ритовъ будятъ товарищи, толкая ихъ безцеремонно подъ бока кулакомъ или прикладомъ и приговаривая: „вставай, чортъ, ишь спать здоровъ, лѣшій!“ Потревоженный на минуту вылезать изъ-подъ одѣяла, всматривается въ темноту, но глаза у него снова слипаются, и черезъ минуту онъ опять уже храпитъ, уткнувшись носомъ въ прикладъ винтовки.

Двѣ другія роты расположились за лѣвымъ флангомъ редута. Здѣсь какъ будто лучше: не такъ пустынно и безлюдно. Здѣсь нѣтъ пруда, покрытаго льдомъ, отъ котораго вѣетъ могильнымъ холодомъ, но есть фанзы и стѣнки, а слѣдовательно часть людей можетъ стоять за стѣнками наготовѣ, а другая часть отдыхать.

Н—чъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

